

Основатель и руководитель серии:

Абышко О. Л.

В книге известного немецкого ученого и философа Э. Целлера, основателя европейской истории философии как науки, рассматривается история античной философии от эпохи тео- и космологических поэм до заката неоплатонизма в VI в. н.э. «Очерк...» более 20 раз издавался в Германии, переведен на все европейские языки, трижды издавался в дореволюционной России. Текст настоящего издания предваряет статья о жизни и творчестве Целлера, книга дополнена обширными комментариями, в которых излагается современная точка зрения на ряд тезисов, выдвинутых Э. Целлером. Для самого широкого круга читателей.

ISBN 5-85233-003-22

- © Издательство «Алетейя», 1996 г.;
- © «Античная библиотека» — название серии;
- © Светлов Р.В. — вступительная статья, комментарий, 1996 г.;
- © Абышко Л.А. — литературная редакция;
- © Емельянов Ф. В. — серийное оформление.

ЭДУАРД ЦЕЛЛЕР: ФИЛОСОФ, УЧИТЕЛЬ, ИСТОРИК

Тот, кто обладает опытом написания учебников, знает, насколько велика ответственность, которую испытывает автор во время создания подобного рода литературы. В наименьшей степени это — самовыражение, ибо учебник является вполне прагматическим сочинением, цель которого — истолковать, прояснить, сообщить необходимую для образования информацию. Очень легко подменить предмет изложения самим собой, своим восприятием этого предмета, своими более или менее досужими соображениями по его поводу. Однако сколь бы интересны ни были результаты подобной подмены, они имеют очень поверхностное отношение к искомой цели. Умение совмещать материал — во всей его возможной полноте и глубине — с восприятием того, кто до настоящего момента обращался к нему лишь случайным образом, требует помимо знания и ответственности особого таланта, который не назовешь иначе, чем просветительским. Именно поэтому в мире создается много учебной литературы, но так мало учебников приобретают сколь либо значимый вес в истории культуры. Подавляющее большинство из них бесследно исчезают на самых дальних полках библиотек.

Тем более велика удача, когда доводится взять в руки учебник, которому суждено пережить своего создателя и первые поколения учившихся по нему людей. Именно с такой книгой и знакомитесь Вы, уважаемый читатель. Созданная в 1882—83 годах как пособие к лекциям по античной философии, читавшимся Эдуардом Целлером в Берлинском университете и, одновременно, как краткая обработка его же фундаментального, объемного труда: «Греческая философия в историческом развитии», эта книга при жизни автора выдержала 8 изданий (в 1928 г. вышло уже 13-е издание!). Она была переведена на многие европейские языки, в том числе — трижды — на русский. По ней учились даже не тысячи, а десятки тысяч будущих специалистов в истории, философии, классической филологии. Конечно, более чем за столетие, прошедшее со времени его создания, этот учебник устарел и во многих исторических суждениях, и в философских оценках. Однако превращать его в предмет историко-архивного интереса еще рано.

Во-первых, отечественная культура испытывает настоящий голод по отношению к историко-философской учебной литературе. Те пособия на русском языке, которые выходили в последние 7—8 десятилетий, обладают собственными достоинствами, однако всем им

присущ общий, «родовой» грех. Они полемичны, ибо ставят своей целью обосновать вполне определенное мировоззрение, показать его своеобразные предпосылки в самых древних эпохах. Соответственно, в истории философии обнаруживается не только то, чего там не было и в помине (типа «партийности», «материализма-идеализма» и т. д.), но и выделяются «наши» и «не-наши» философские идеи (а иногда — и персоналии). Отдавая дань знаниям и умению авторов этих учебников и вовсе не отрицая возможности субъективных и исторических склонностей у самого «объективного» писателя, приходится признать, что они учили не тому, **что было** в прошлом, а тому, как к нему относиться. Несомненно, любой автор, поскольку он — дитя собственного времени, смешивает информацию и отношение к ней: точнее, он уже относится к информации каким-то определенным образом, и оставить за скобками свою эпоху не может. Но одно дело — условия, за рамки которых не вышел еще ни один из исследователей, другое же — сознательная подмена предмета идеологическим отношением. Лишь в течение последнего десятилетия начали появляться попытки неидеологизированного подхода к истории античной философии. Однако для создания настоящего учебника необходима огромная предварительная работа. Напомним, что Целлер написал свой «Очерк» лишь после третьего издания его фундаментальной «Истории», когда исследовательская и преподавательская деятельность выявили необходимый минимум позитивного материала для тех, кто будет учиться по этой книге. Вероятно, подобную предварительную работу могла бы заменить устойчивая и длительная научная традиция, однако в России после 1917 г. она так и не сформировалась. Поэтому для отечественного читателя ознакомление с «Очерком» Целлера будет по крайней мере бесполезно.

Во-вторых, Целлер — не «один из» историков античной культуры. Без всяких натяжек его можно назвать отцом современной европейской истории философии. Уже дважды упомянутый труд «Греческая философия в ее историческом развитии», впервые вышедший в Тюбингене в 1844—52 гг. (3 тома в 6 книгах), — не только первоначальная попытка позитивно-научно осмыслить античную философскую культуру, но и фундамент для всех последующих подобных попыток. Впервые именно Целлер скрупулезно изучил, сопоставил, истолковал практически все имевшиеся в то время источники и утвердил источниковедение в качестве необходимой предпосылки историко-философского анализа. Именно Целлер удержался от вполне естественного соблазна в «после-гегелевской» Германии рассмотреть историю античности, исходя из одной или нескольких «ведущих идей». Он придерживался «объективистской» позиции и куда более скептически, чем Гегель, относился к возможности историкофилософского осмысления судеб европейской мысли. Он показал, что любые историко-философские построения по поводу античности должны не

забывать об известном моменте гипотетичности, который присутствует в них «по определению». Наши представления о прошлом невероятно сужаются, если мы остаемся в рамках школьных положений, сформировавшихся во времена Высокой Схоластики, и лишь ненадолго расширенных Возрождением. О прошлом нельзя думать, что оно известно только потому, что относится к минувшему. Наоборот, прошлое не менее проблематично, чем будущее; узнать свои истоки бывает куда сложнее, чем предугадать грядущее. Для исследователя истории необходимо увидеть собственный предмет сквозь толщу полубессознательных наслоений, привнесенных нынешними культурными реалиями; ему необходимо избавиться от множества предрассудков и стереотипов (своего рода «идолов»), мешающих заметить в прошлом прошлое, а не собственное отражение. Целлер и занимался скучной, внешне не вызывающей энтузиазма обработкой многочисленных разноречивых свидетельств, заслужив этим славу ученого усердного, позитивистского склада, а на самом деле открыв новые горизонты не только для исторических дисциплин, но и для философии. Разрушая своим источниковедческим усердием воззрения, подобные «Философии истории» Гегеля, он выступал против априорного конструирования сущего. Таким образом, обращаясь к «Очерку», мы имеем дело не только с сугубо учебным или позитивно-историческим произведением, но и со свидетельством о решительном повороте настроений европейского сословия Любомудров середины XIX столетия — о том повороте, последствия которого философия переживает вплоть до наших дней.

* * *

Эдуард Целлер родился в 1814 г. в вюртембергском местечке Клейнботвар. Как мыслитель он формировался в атмосфере споров вокруг наследия Гегеля, уже в молодости участвуя в дискуссиях о происхождении и ранней истории христианства. 26-летним Целлер становится приват-доцентом Тюбингенского богословского факультета и с первых же лет своей научной деятельности заявляет о себе как яркий и самостоятельный исследователь. Его труд об апостольской истории порой называют лучшим из всех трудов «тюбингенцев». В течение нескольких лет издавая известный «Геологический ежегодник» и исполняя функции редактора, он приобрел вкус к работе с научными текстами.

Несмотря на яркое начало, Целлер быстро отошел от теологических изысканий, и связано это было с постепенной переменой его взглядов. Еще в Тюбингене занимаясь Платоном, он обращался к историко-философскому наследию античности: именно этот, исторический, интерес стал в случае Целлера одной из причин разрыва с авторитетом Гегеля. Прошлое началось в схемы знаменитых гегелевских «Лекций»; слиш... ственного и значимого они

оставляли «за бортом». Постепенно Целлер приходит к мысли о необходимости переосмысления исходных моментов философствования. В 50-х годах он пишет трактат «О смысле и задаче теории познания», в котором обосновывает свой решительный поворот к Канту (и это за десятилетие до Либмана, провозгласившего тезис: «Назад к Канту!»). Осторожное здравомыслие кенигсбергского мудреца представляется ему более фундаментальной почвой, чем энергичный напор гегелевской мысли. Однако не стоит зачислять Целлера в число непосредственных предшественников неокантианства, ибо и Кант по мнению нашего автора должен быть исправлен. И, прежде всего, в вопросе о познаваемости «вещи в себе». Целлер, похоже, желал совместить убеждение Канта в том, что материал нашего знания не предан нам, и что его невозможно дедуцировать из чистой архитектуры разума, с идеями «Феноменологии духа», где знаемость «вещи в себе» демонстрируется как очевидность познавательного процесса. Целлер считает, что познаваемость «вещей вне нас» основана на некоем базисном, до-рефлексивном «умозаключении», обосновывающем наше сознание, а потому, очевидно, не обосновываемом последним. Это «умозаключение» не дает нам «вещи в себе» как что-то полностью раскрытое, явное, подобно категориальному строю разума, однако процесс познания позволяет «в известной мере определить и самые эти вещи». Спустя три десятилетия Целлер продолжил ту же самую мысль в работе «Об основаниях нашей веры в реальность внешнего мира», однако для восьмидесятых годов прошлого столетия она не стала откровением, ибо в это время уже плодились неокантианские школы и вопрос о «вещи в себе» превращался в академический. Тем не менее именно «О смысле и задачах теории познания» было провозвестником грядущей революции в философии Германии.

Поскольку «вещь в себе» не есть нечто данное нам непосредственно, мы можем исследовать источник нашего опыта лишь рассматривая познавательный процесс. Сам по себе он так же является абстракцией. Поэтому Целлер обращается к прошлому, к истории науки, где мы обладаем феноменологией познавательных форм, причем в их живых, непосредственных связях. Высший вид научных знаний — философия, следовательно, в историческом ее рассмотрении мы сталкиваемся с искомым предметом.

Нынешнее увлечение историей, оборачивающееся порой отождествлением философии и опыта историко-философской интерпретации, генетически связано с критикой априоризма Гегеля и обращением к Канту. В нашем столетии это стало «общим местом», но для прошлого столетия убеждение в том, что изучение истории является, одновременно, философствованием, причем позволяет ответить на самые «интимные» для новоевропейской мысли вопросы гносеологии, было внове. Помноженное на настоящий ажиотаж вокруг антиковедения, характерный для Германии второй половины XIX столетия, оно прев-

ратило жизненный путь Целлера в триумфальное шествие по кафедрам ведущих университетов. После Тюбингена он преподавал в Берне, Марбурге, Гейдельберге, пока в 1872 г. не стал профессором престижнейшего Берлинского университета.

К этому времени интерес Целлера уже определился (как и его философская позиция — «здравый реализм»). История философии, преимущественно античной и немецкой, занимают его более всего и являются предметом большинства его книг и статей, вышедших в последние четыре десятилетия жизни. Помимо многократно переизданной «Греческой философии...», «Истории немецкой философии...», публикуемого ниже «Очерка...», упомянем еще одну любопытную и, наверное, наиболее идеологизированную работу — «Фридрих Великий как философ» (Берлин, 1886). Она была написана вполне в духе десятилетий подъема национального самосознания немецкого народа, последовавших за объединением Германии. Уже при жизни Целлера издавались сборники, посвященные юбилеям его жизни и научной деятельности, и скончался он в 1908 г. (в Штутгарте), будучи и наиболее почитаемым историком античности, и создателем первой в Европе подлинной школы антиковедения, и, одновременно, объектом критики со стороны других антиковедческих школ (Гомперц, Виндельбанд) — саму возможность для появления которых создала его упорная многолетняя деятельность.

* * *

В сущности книга, которую Вы, читатель, держите в руках, скажет о себе лучше, чем любая вступительная статья. Поэтому, отметив и ее достоинства, и достоинства ее автора, завершим наши заметки необходимой информацией.

Дабы приблизить книгу (и читателя) к нынешнему состоянию антиковедения, мы дополнили ее «Примечаниями» и «Комментариями», в которых — насколько это было в наших силах — стремились восполнить вполне объяснимые с современной точки зрения пробелы в изложении Целлером исторического материала и дать альтернативные точки зрения по поводу ряда его оценок. Поскольку же исходный для издания текст уже нагружен примечаниями автора, его редактора (Ф. Лорцинга), а также переводчика (С. Л. Франка — дополнившего в отдельных местах «Очерки» извлечениями из «Греческой философии в ее историческом развитии»), мы обозначили наши примечания при помощи звездочек, поместив их в конце книги. Наконец, дабы сделать это издание еще более полезным для изучающих античную философию, мы дополнили его списком основных имеющихся в русских переводах текстов древнегреческих мыслителей.

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории философии СПбГУ Р. В. Светлов